

ПОСЛАНЦЫ ГОРОДА МУЖЕСТВА

НАМ ТРУДНО представить себе, как это было, — 600 подземных толчков, ударивших в дома и улицы Ташкента. А они, мои собеседники, помнят все — мгновение за мгновением — с того самого утра 26 апреля, когда впервые злобнее загудела земля...

Бедствие лишило почти каждого из них крыши над головой. И все-таки вместе со всем городом они в то утро пришли в свой театр, который так гордится столица Узбекской республики. И увидели: груды штукатурки лежат на полу ажурная лепка, в трещинах стены... Тогда все, что пришел, — и совсем юные актеры, и народные, и лауреаты — все взялись за лопаты, ведра, шаворы... Вечером, как всегда, театр принял зрителей.

В тот день в Ташкенте заканчивалась декада белорусского искусства и литературы. Зал был полон. Известный узбекский композитор и дирижер профессор Ашрафи стоял за кулисами с великолепной вазой в руках — он готовился преподнести ее друзьям-белорусам. И снова театр трянуло так, что драгоценный позолоченный чут не вылетел из рук. Завененные хрустальные подвески люстры; казалось, еще мгновение, и они дождем посыпятся на головы зрителей. Зал заволновался. Тогда из-за стола президиума поднялась женщина.

— Спокойствие, товарищи! — так сказала Язгар Садыковна Насриллинова, председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. — Сейсмологи разрешают продолжить наш вечер. После торжественной части состоится большой концерт.

И концерт состоялся. Балерины танцевали на сцене, которая дрожала под ногами, — где-то внизу собиравшаяся с силами разбушевавшаяся земля, а концерт состоялся! И каждый вечер театр неминуемо поднимал занавес — до той поры, пока правительство республики не приняло решение прекратить спектакли в аварийном здании.

ЭТО рассказывает мне директор Академического Большого театра Узбекской ССР имени Алишера Навои — народный артист Советского Союза профессор Мухтар Ашрафи. Рассказывает спокойно, ровно, никак не восхищаясь подробностями героических будней, оставшихся там, за спиной у всей труппы. И, подумав, так же сдержанно объясняет:

— Артисты остались артистами. Точнее — люди остались людьми. Советскими людьми. И этому никак не стоит удивляться: за полвека существования нашего государства вырос и новый человек, для которого верность долгу — черта характера. И то, что на помощь Ташкенту пришла вся страна, — это ведь тоже свойство нашего советского характера. Ну, а одним из первых нам помог Ленинград! — Дорогой наш друг Ленинград!

Так говорит о Ленинграде не один Ашрафи. Все актеры, с кем удалось встретиться в эти хлопот-

Академический Большой театр Узбекской ССР
имени А. Навои — в Ленинграде

ные первые дни гастролей, начинали с рассказов о том, что музыкальная культура Узбекской республики многим обязана Ленинградской консерватории, которая в годы войны была эвакуирована в Ташкент. И еще: увертюру «Тажир и Зухра» написал ленинградец М. Штейнберг, оперу «Махмуд Тороби» совместно с классиком узбекской литературы Айбеком создал О. Чирко... Едва успеваю записывать названия — и новый «сплощот» тем:

— Мы все немногие ленинградцы, — говорит Ашрафи. — Помните это совершенно буквально. Судите сами: моим первым и главным учителем был композитор Штейнберг. Диплом дирижера мне выдала Ленинградская консерватория. Иди вот вам другой пример: в спектакле «Борис Годунов», которым мы открыли наши гастроли, партию Бориса пел А. Шабунюк, тоже выпускник Ленинградской консерватории. Нужны нам еще доказательства, что мы никак не гости, а почти земляки!

ЭТО очень радостно слушать. Радостно потому, что убеждаешься: никакие невзгоды не смогли сколько-нибудь надломить оптимистический дух наших узбекских друзей. И Саодат Кабулова, народная артистка СССР, с которой мы вместе едем из гостиницы на репе-

тицию, укрепляет это убеждение. Вот, скажем, знаете ли вы, что означает по-узбекски ее имя «Саодат»? Счастье! Конечно же, она счастлива, эта всемирно известная певица, родившаяся в далеком ферганском кишлаке. Где, в какое другое время сложились бы так ее судьбы?

Саодат улыбается, блестя яркими черными глазами:

— В прошлом году я пела в Каире. И, знаете, волновалась куда меньше, чем сейчас. Может быть, потому что мечтаю спеть в спектаклях вашего театра «Риголетто», «Искатели жемчуга»... Приходите, послушайте наши национальные оперы «Дилором» и «Проделки Майсары». Ленинградский зритель — экзаменатор строгий...

...ДА, НАСТРОЕНИЕ у наших друзей в эти дни самое боевое. Наступательное, можно сказать, настроение. И лишь для четырехлетней толстухи Лолы — строгий запрет:

— Лолка, перестань озорничать! А ну-ка иди сюда!

И Лолка через весь репетиционный зал покорно шествует к маме. Кто же мама? Неужели вот эта совсем юная девушка? И вот совсем трудно представить себе ее на том месте, где мы обычно привыкли видеть мужчину — за дирижерским пультом.

А Дильбар Абдурахманова — дирижер. Одна из немногих в мире и первая в Узбекистане женщина-дирижер. Когда вы приваде в театр имени Навои смотреть балеты «Лебединое озеро», «Мирозалина» или «Семурга», — обязательно загляните в оркестр. За пультом будет стоять Дильбар Абдурахманова. Она влюблена в музыку, чувствует ее тонко, интерпретирует своеобразно и смело. Это оценили наши слушатели еще два года назад, когда Театр имени Навои впервые гастролитировал в Ленинграде.

Абдурахмановой не просто устраивали овацию и дарили цветы. Ей писали письма прямо домой, в Ташкент. Так поздравилась она с педагогом Аллой Смирновой, еще с одной ленинградкой — Анной Федоровной Евсевой.

— Словом, я приехала к старым друзьям. Очень хочется, чтобы на этот раз их стало еще больше, — говорит Дильбар.

Ну а Лолка? Не отрываешь ли она маму от дела?

— Дочку я отдала в ленинградский детский сад. Другим ведь я могу доверить и ее — самое дорогое...

И ЕЩЕ ОДНА ВСТРЕЧА в театре. Когда речь идет об узбекском искусстве, она необходима. Потому что говорим мы с Галией Имайловой, народной артисткой СССР, блестящей танцовщицей, которой рукоплескали в 25 странах мира. Размыкать ее не просто даже с самого раннего утра.

— Галия уже в репетиционном зале, — отвечают в театре.

— И так всю мою жизнь, сколько себя помню, — говорит прославленная актриса. — Этому учили меня мой первый педагог Евгений Константинович Обухов. Она была когда-то солисткой петербургского Мариинского театра.

Вот — снова янт: берега Немы — Ташкент. Да, к этому неизбежно приходит любой разговор с узбекскими артистами, приходит закономерно, потому что древнее и мудрое искусство наших гостей возмужало от крепких связей с русской культурой.

ПРОШАЕМСЯ. Ухожу с собой в память звук оркестра, голоса, проверяемые, словно оружие перед боем. Мирный, добрый бой за успех предстоит сегодня вечером актерам... И еще ухожу с собой восхищенные постанавками мужественного города, характеру и профессиональному мастерству которых от души аплодирует Ленинград.

И. КНЯЗЕВА